

Васа Солому
КСАНТАКИ

Библиотека
новогреческой
литературы

ЛЮБИМЫЙ
ГОРОД

Библиотека новогреческой литературы

Васа Солому Ксантаки

Любимый город

«Алетейя»

Ксантаки В.

Любимый город / В. Ксантаки — «Алетья», — (Библиотека новогреческой литературы)

ISBN 978-5-00165-027-0

Васа Солому Ксантаки Терцети – таково полное имя этой уникальной женщины, в котором каждая его составляющая – это огромный и драгоценный пласт истории Греции. Дионисиос Соломос – великий греческий поэт, стихи которого стали гимном независимого Греческого государства. Георгиос Терцетис – легендарный герой греческой революции, историк и юрист, хранитель архива в библиотеке Парламента Греции. Александрос Ксантакис, отец Васы – харизматичный лидер сопротивления в Фессалии в деревне Амбелакия – первой социалистической коммуне, который во время гражданской войны исчез в одночасье. История взаимоотношений Васы Ксантаки с Петербургом – это история любви, любви вечной, любви взаимной. Так и начался этот роман, в котором есть и шпионы, и герои, и романтические увлечения, и загадочные исчезновения, и предательство, и болезнь. А самое главное – безграничная любовь к жизни, к людям и к России.

ISBN 978-5-00165-027-0

© Ксантаки В.

© Алетья

Содержание

Предисловие	5
Очарование не названных добродетелей...	8
Мое восхищение полно упущений – оно не вмещает Вас...	11
Книга настолько хороша...	14
Васа Солому Ксантаки	17
1991–1994	19
1995	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ксантаки В. С. Любимый город

Предисловие

Васа Солому Ксантаки Терцети – таково полное имя этой уникальной женщины, в которой каждая его составляющая – это огромный и драгоценный пласт истории Греции. Дионисиос Соломос – великий греческий поэт, с которого начинается современная греческая поэзия, стихи которого стали гимном независимого Греческого государства. Георгиос Терцетис – легендарный герой греческой революции, историк и юрист, хранитель архива в библиотеке Парламента Греции. Александрос Ксантакис – харизматичный лидер сопротивления в Фессалии в деревне Амбелака – первой социалистической коммуны, торговавшей не вымываемым натуральным красителем для тканей. Это и был отец Васы, который во время гражданской войны, разделившей Грецию после оккупации Второй мировой на два лагеря, исчез в одночасье.

Васа росла в большой семье, в которой было шестеро детей, но как самая младшая, романтическая девочка, она не оставляла надежды разыскать отца: ведь его соратники по партии твердили, что помогли ему бежать в Советский Союз. Другие сподвижники видели его с новой семьей в Ленинграде....

Так и начался этот роман, в котором есть и шпионы, и герои, и романтические увлечения, и загадочные исчезновения, и предательство, и болезнь. А самое главное – безграничная любовь к жизни, к людям и к России.

История взаимоотношений Васы Ксантаки с Петербургом – это история любви, любви вечной, любви взаимной. Каждый год, каждую зиму возвращалась она в этот заснеженный город и привозила с собой частицу Греции: книги, сладости, газеты, теплую керамику, музыку... Васа не боялась братья за такие сложнейшие темы, как поэзия Ангелоса Сикельяноса, или «Пир» Платона. С ней, будучи студенткой новогреческого отделения Санкт-Петербургского государственного университета, я впервые почувствовала, как этот язык и культура проникают в мою душу, становясь частью меня самой. Спустя годы, когда я поселилась в Афинах, мы долгими теплыми вечерами спорили с Васой о том, что сапоги из валяной шерсти – не миф, а реальность, переводя кавказскую новеллу Л. Н. Толстого «Казачки».

Васа Ксантаки – археолог по призванию. Она не только участвовала в раскопках, но и проводила реставрационные работы своей усадьбы середины XVIII века с потрясающими фресками, витражами и резными плафонами. Однако это стремление бережно сохранять красоту времен соединилось в этой женщине с волевой энергией и почти мужской силой духа этой хрупкой на вид женщины. Васа всегда находилась в авангарде эмансипации: активно работала педагогом в Христианском объединении девиц (ХЕН), целью которой было предоставить женщинам необходимые знания для полноценного равноправного участия в жизни общества; Васа была одной из первых женщин в Афинах, севших за руль автомобиля; рано овдовев, она приняла на свои плечи груз воспитания сына и дочери, стойчески перенося все трудности и невзгоды самостоятельно.

Ольга Николаевна Николаенкова

 προ. ανάθεσά σου διοχάνη πα' δ' ³
μα δώσε, διευκαμένο στο β' βιβλίό σου,
ἀπαντώ: εἶμαι πρὸς ἐπιχειρήματα καὶ εἶναι
ἐπίσης ἐπιχειρήματα ὁ φόβος μου, γὰρ τοῖς ποιό-
τεροι πόσα περὶ αὐτῶν δεῖ δ' ἀποστέλλω...
καὶ δεῖ δ' ἄλλα ἢ μὴ ἔχω ἀποστέλλω
τ' εἶναι πῶς, τὴ σπάνιο πρὸς δῶσε εἶναι τὴ
θεύσαντα βιβλίε σου τὸ δῶσε σου.
Ὡς ἀχρεῖταις πρὸς τὸ χρεῖ-
σταις καὶ εἶχοναι τὴ εἶδε
μαρτ' ὅταν καὶ ἂν εἶδε,
μὲς πορτὴ ἀφῆλ

12/2/2000

V.

ΒΑΣΗ ΣΟΛΩΜΟΥ ΞΑΝΘΑΚΗ

Αγαπημένε ποίη

ΟΔΟΙΠΟΡΙΚΟ

ΕΚΔΟΣΕΙΣ

Очарование не названных добродетелей...

Дорогая госпожа Ксантаки,

Сегодня вечером я прочла первые двадцать три страницы книги и замерла от невыносимой более радости от изящества Вашего слога: прекрасная целомудренная поэзия, нежно ласкающая острые углы, это очарование неуловимых, не названных добродетелей, сокрытых за чудесной неопределенностью, создающих исключительную атмосферу.

И то, что связывает судьбу моего восхищения с великой судьбой Вашей книги, есть нечто исключительное – ностальгия, которую я почувствовала, будто я когда-то уже встречалась с мечтой о даре письма, точно так, но будто возможность ее спешно проскользнула мимо меня. Более того, будто я сама – потерянный персонаж, который Вы ищете, и надежда Ваша на то, что Ваш отец жив. Будем надеяться, что и я жива где-то, «внедренная» в одно из Ваших писем.

Если Вы спросите, зачем я так тороплюсь предвосхитить то наслаждение, которое мне доставит чтение Вашей книги целиком, я Вам отвечу: я уже стара, а докучный сверстник мой – страх того, сколько и какие вещи я не успею...

И еще я бы не хотела не успеть сказать Вам, что теперь крайне редкий дар – появление таких книг, как Ваша.

Благодарю Вас за этот дар и желаю, чтобы у Вас все было хорошо. Где бы Вы ни находились.

С безмерной любовью

Кики (Димула)
12/2/2000

26.3.2000

Αγγλικά κυρία Ξανδάκη

Στείλω πάλι μερτά το βιβλίο σας. Κυριολεκτικά
δυσχερεια για να το βρω, παρ' ου η εφευρεση των
στον δικαίωμα να μου χρεωσει, κυριως τις επιδες
και δυ ζευγαρια ποσε. Ποσε!

Ποιες δυναμινη οικου μου, η βρω τον ισανικη
διαλυση του, ανακατωσε η δυναμη εις δυ τελεω.
Ζενοβα πωσ ανι ει οδιδε σας εις εμε και δικτε
η ευρα αποικη του φυκη του, φωνει τα. Που χαμνη;
η ευρα εις εμε πωσ κηποις μαδεις και κωραση και
αειπασα τε δεφια ειδη πιδω τε με θυμω...

Αφιασε μεσ τους το πιο δεφια, τα πιο κωραση
ερεδισμα. Ειχεν η με κωραση κωραση, και κωραση
τα οχραμακη ομακη και κωραση ομακη ομακη
Ντολοφρεσκ, οκτε δεφια κωραση, κωραση ομακη
ηχι, χρεω εις σας.

Γερατο κωραση ομακη κωραση μου - ανι ηι ο
πιο κωραση ομακη κωραση, κωραση ομακη κωραση
και κωραση ομακη κωραση. Που η τα κωραση ομακη
κωραση ομακη κωραση ομακη κωραση ομακη κωραση
μωνο και εινη κωραση ομακη κωραση ομακη κωραση
Προσχημα και ειχα τα κωραση ομακη κωραση ομακη
και κωραση ομακη, ομακη κωραση ομακη κωραση ομακη

26.3.2000

Αγγλικά κυρία Ξανδάκη

Στείλω πάλι μερτά το βιβλίο σας. Κυριολεκτικά
δυσχερεια για να το βρω, παρ' οτι η εφευρεση μου
στον δευτερο και μου χαιρεσε, κυριως τις επιδες
και δυ ζευγαρια ποσε. Ποσε!

Ποιες δυναμινη οικου μου, η' βρω τον ισανικη
διαλυση του, ανακατωσε η δυναμη εις δυ τελεω.
Ζενοφα ειπω ανι ει οδ' οδ' σας εις εμε και δικτε
η ευρα αποικη του φυκι του, φαινεαι τα. Του χαρινη;
η' τα εις εμε και η' τους κηποις μαθηται και κηραου και
αιεταου τα' δεκα ειρη παιδων το και ευρηων...

Αφιασε μες τους το πιο δεκα, τα πιο κηραου
εραδισμα. Ειχεν η' με κηραου κηραου, και κηραου
τα' οχτακωτα οχτακωτα και κηραου οχτακωτα και
Νηοκωτα, οκτα δεκακωτα, η' κηραου οχτακωτα
η' τα, χαιρε ει' σας.

Γερατα κηραου ο' δεκακωτα μου - ανι η' ο
πιο κηραου δυ και χαιρε, ανι η' οχτακωτα και
και κηραου η' σας και. Και η' τα κηραου δυ και
και τα κηραου και οχτακωτα με κηραου οχτακωτα.
Μονο και ειρη και με κηραου οχτακωτα. Οχτακωτα δυ κηραου
Κηραου και ειρη και κηραου οχτακωτα και οχτακωτα οχτακωτα
και κηραου, οχτακωτα και κηραου και οχτακωτα

Мое восхищение полно упущений – оно не вмещает Вас...

Дорогая госпожа Ксантаки!

Прошло вот уже несколько дней, как я дочитала Вашу книгу. Я в буквальном смысле чувствую себя несчастной из-за неизбежности финала, несмотря на мою одержимость сокровищами, которыми одарила меня эта книга. Я так хотела, чтобы страницы никогда не кончались. Никогда.

Какие слабости моих мечтаний, нашедшие свое идеальное в них отражение, так взбудоражила Ваша сила, мне неведомо. Я ползу назад от Ваших строк, подобно телу, отлучающему или получающему душу, и вновь ищу их. Где я заблудилась? Может где-то там во льдах апатии и усталости, сокрывших горячую дрожь страстей и рыданий...

Вы разбудили вокруг них самые горячие, самые настоящие импульсы. Вот уже много лет они не жгли меня, и те незабываемые ожоги, которые мне достались от чтения Достоевского, печально залеченные, спасительно открылись вновь благодаря Вам.

Мое восхищение полно упущений – оно не вмещает Вас – поэтому мне не выразить всего, что диктует мне этот восторг. Даже не знаю, как мне наказать тот сосуд, что разбрызгивает на Вас этот поток любви. Он совершенно бесхитростен. Ничто не предвещало повторения того приглашения приехать в Россию, что я получила в прошлом году, я тогда отказала, отказываясь от своей великой чумы – познакомиться с той землёй, которая, я Вам писала об этом, меня осаждала. И вот я познакомилась с ней, с ее истоками, читая Вас.

Обнимаю Вас, складывая конверт со всеми теми предосторожностями, с которыми Вы заворачивали тот крылатый портрет молодого человека, чтобы Вам не навредила моя безоглядная фамильярность.

По инерции посылаю Вам полное собрание моего напрасного труда и последний сборник стихов. Не сочтите это за «отдарок» – о. Боже! Однако я хотела бы, чтобы они у Вас были, Вы бы разбирали их с Вашими учениками и обсуждали бы, как следовало бы их написать.

С любовью, Кики (Димула)
26/3/2000

Κυθήρα 15.8.2001

Κυρία Ξινδάου,

η "Αγαπημένα πόλη" νομίζω να είναι ένα βιβλίο με πολλαπλά ενδιαφέροντα και σχεδόν καθόλου επαναλήψεις. "Οδοιπορικό", γόνο με το νόημα της αδέσμευτης περιήγησης σε παλιούς σταθμούς, έχει τον ταξιδιωτικό τόνο των έντυπων. Ο τρόπος που βλέπετε πρόσωπα και πράγματα και οι ζωηροί συνειρημοί που συνοδεύουν αυτόν τον τρόπο, κάνουν το βιβλίο να ξεχωρίζει από συγγενικά

αγέρια.

Επειδή το αγαπώ και το εαυτίστηκα το βιβλίο σας παίρνω το ρίσκο να σας γράψω και τις υποσημειώσεις με μερικές παρατηρήσεις:

— Μείλιτη έρχομαι να υποχωρώτε ο Ξινδάου να το στοιχειοθετεί με ποτυονικό σύστημα. Αν αρνιόταν... υπάρχουν και άλλοι Ξινδάου. Έτσι με άλλους τον εμφάνισή του το βρίσκω υποβαθμισμένη. Και το ποτυονικό το αίματι ή ποτυονική γλώσσα που χρησιμοποιείται

Κυθήρα 15.8.2001

Κυριο Γεννάδιον,

ή "Αγαπημένα πόλη", νομίζω πάλι είναι
ένα βιβλίο με πολλή αίσθηση και σχεδόν καθόλου επιτηδεύσει.
"Οδοιπορικό", μόνο με το νόημα της αδέσμευτης περιήγησης.
στη σε παίρνοντας στοχασμούς, έχει τον ταξιδιωτικό τόνο
των έντυπων. Ο τρόπος που βλέπετε πρόσωπα και
πράγματα και οι ζωηροί συνειρημοί που συνοδεύουν αυτόν
τον τρόπο, κάνουν το βιβλίο να ξεχωρίζει από συγγενικά

αγέρια.

Επειδή το αγαπώ και το εαυτίστηκα το βιβλίο σας
παίρνω το ρίσκο να σας γράψω και τις υποσημειώσεις με
υπεριμέτ παρατηρήσεις:

— Μείλιτη έγκριση δα υποχωρώτε ο Ήυδότης να το
στοιχειοθετήσει με ποτυονικό σύστημα. Αν αρνιόταν ...
υπάρχουν και άλλοι Ήυδότες. Έτσι με άλλως τον εμφάνισή
του το βρίσκω υποβαθμισμένη. Και το ποτυονικό το αίματι
ή ποτυονική γλώσσα που χρησιμοποιείται

Книга настолько хороша...

Мне кажется, «Любимый город» – это очень правдивая книга, в которой совсем нет наигранности. «Путевые заметки» только в смысле свободного путешествия от размышления к размышлению, а не путевые заметки о впечатлениях. То как Вы видите личности и события, – Ваши жизненные ассоциации выделяют эту книгу на современном рынке.

Поскольку я полюбил и оценил Вашу книгу, то беру на себя риск изложить Вам и свои критические и субъективные замечания:

- Если бы Вы немного настояли, то издатель бы пошел на издание в политонической графике, а если и отказался бы, существуют и другие издатели. Политонии требует тот качественный язык, которым книга написана.

- Я в корне против постоянного повторения имен адресата и автора. Адресат Андреас – фигура условная, он в «действии» не фигурирует.

- В повествовании есть персонажи, которых можно использовать для доработки «драматического» сюжета: читатель упускает возможность встретиться с ними и изучить их характеры (напр. Борис Максимович, студенты, изучающие греческий и т.п.) Есть очень краткие намеки на темы, которые Вы выделили с исключительной точностью, но Вы их оставляете в стороне по вине сдавливающего Вас эпистолографического жанра.

- По-французски *pelerinage* значит паломничество, а паломник – *pelerine*.

- Мне кажется, фотографии и рисунки были бы оправданы, если бы письма были подписаны не псевдонимом.

Если я Вас не огорчил всем этим, то со всей смелостью хочу добавить, что книга настолько хороша, что стоит вновь поработать над ней. Не бойтесь, если она станет вдвое больше, только бы не разболталось повествование. На Вашем месте я бы увлеченно доработал повествование, примеряя разные формы на такой прекрасный материал.

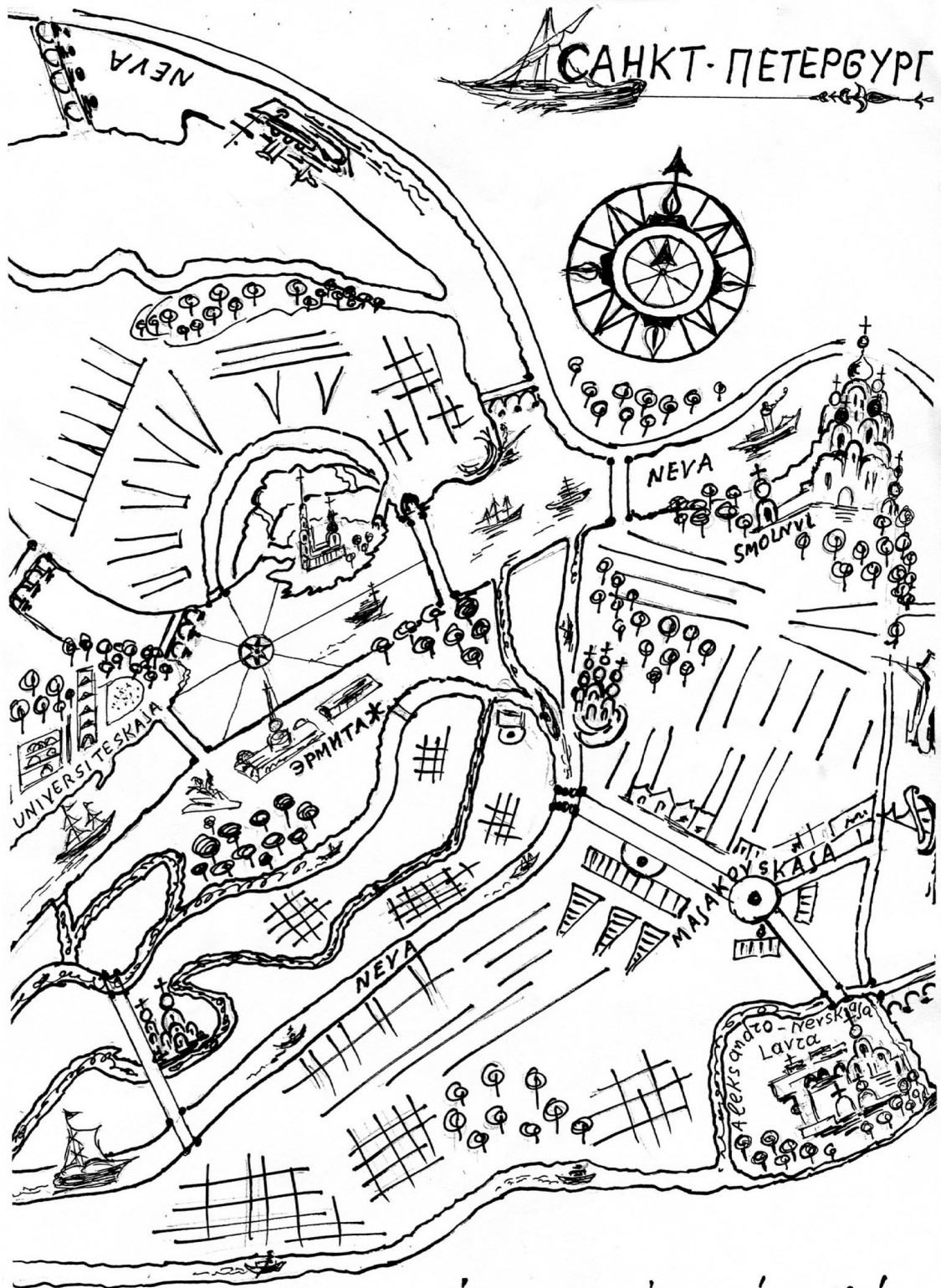
От всего сердца желаю Вам счастья

Христос Яннарас

Кифира 15.08.2001

Χάρτης της πόλης για αγένους από τον Μηδρίσι

Χάρτης της πόλης για αγένους από τον Μηδρίσι

Васа Солому Ксантаки «Любимый город»

1991–1994

Памяти Анны Ксантаки

*Загадала, матушка, что яблонькой была я, Юной расцвела от
яблок вся склонилась, Ветерок подул и сбросил яблочки.
Греческая народная песня*

Мурманск, зима 1991 г.

Дорогой Андрей,

Ты опять обо мне забыл. Ты не встретил меня на выставке Ясона и, конечно, подумал, что со мной. Знай же, что моя судьба занесла меня в этот раз очень далеко, на край Вселенной, в Мурманск, самый северный город в России, порт на Белом море, рядом с Баренцевым и на самой границе с Финляндией. Брат одной моей русской ученицы, которая живет в Греции и учит у меня греческий язык, сделал приглашение на три месяца, и я проведу их здесь, помогая ему в изучении языка Евангелия. Он математик, философ, биохимик и теперь, охваченный ярким праведным желанием, стремится стать хорошим эллинистом. Он монах, нечто вроде монашествующего в миру, образован, а по возрасту – почти ребенок. Я бы сказала, что, на первый взгляд, его можно было бы отнести к типу, весьма распространенному – если не сказать модному – на Западе, особенно среди юношей, прошедших через идеологические разочарования, может даже, прошедших через наркотики, мировоззрение которых заключается в своеобразной теории, вобравшей в себя элементы гуманитарных наук, что-то из христианства, обрывки неосоциалистических идей, и аскетичное расположение духа.

Моему новому ученику, однако же, посчастливилось родиться русским, что на практике означает одну вещь – «устой». «Жизнь есть дар Господа», говорит он, «и, являясь таковым, она должна хранить Божественное лицо». Следовательно, «охранение нашего Божественного лица есть, по сути, поклонение Богу». Позже он отправится в известный Печорский монастырь, или, может, какой-нибудь другой, в Санкт-Петербурге.

Как и у всех молодых людей подобной закваски, его заветная мечта заключается в послушании на нашей Святой Горе¹. Пока же он здесь, и я – с ним, подле настоящего христианина в прямом смысле этого слова.

Он предоставил в мое распоряжение маленький домик на опушке заснеженного леса, откуда доносятся приглушенные расстоянием голоса местных лапландцев, проходящих по болотистой тундре со своими лосями. Каждое утро со своей мамой он присылает мне яйца полярной гусыни, с огромным желтком. Он уже говорит на четырех иностранных языках, и довольно неплохо по-новогречески. А зовут его Борис Максимович Ларин.

Мне надо многое тебе рассказать, надо многое обдумать и разложить по полочкам. Чистота заснеженного полярного лесного пейзажа помогает собраться мне с мыслями.

Всего хорошего, Сильва Эммануил

Мурманск, зима 1991 г.

Дорогой Андрей,

...спасаясь от семейных невзгод, не понимая, приехала ли я сюда, чтобы забыть или что-то вспомнить, я стала свидетелем загадочного явления: светлого, многогранного, мечущегося, искусным образом переплетенного солнечными пятнами, оранжевыми снизу, изумрудно-зеле-

¹ Святая Гора Афон (греч. Άθως, Άγιο Όρος) – название горы и полуострова в Греческой Македонии на севере Восточной Греции. Для православных всего мира – одно из главных святых мест, почитается как земной Удел Богородицы.

ными в середине, цвета охры и желтыми сверху венчающего горизонт и широко раскинувшейся к Северному полюсу. Это и есть знаменитое северное сияние.

Здесь, как ты понимаешь, ход вещей следует за природной ипостасью, а не за историей, боюсь, как и мое сердце. Природа – верховный гражданский Повелитель. Когда идет снег, «будто бы сглаживает и обесцвечивает все вокруг, все грехи, все былое, корабль, море, высокие шляпы, цепи золотые, цепи железные», как говорил когда-то наш знаменитый Пападиамантис². И вот... осознав это, я преклоняюсь перед северной природой.

Сильва

Мурманск, зима 1991 г.

Дорогой Андрей,

...я нахожусь в другом мире, желанном, и этот мир – мир моего сердца. Наверное, и я оберегаю свою душу ... или развиваю её. Днем я погружаюсь в глубочайшие размышления о Евангелии, которые наполняются еще более глубоким религиозным смыслом, когда ты пытаешься передать их другому, на другом языке, на языке другого благочестия, а ночами – ночами! – в это время года здесь все время ночь – под голубоватой, радужной белизной снега я четко все вижу. Мы тихо дышим, столько, чтобы оставаться в живых – я и ледяная земля, земля, насыщенная энергией влаги. Полагаю, что Средиземноморье не дало мне дышать полной грудью, до такой степени, чтобы чувствовать дыхание лесных зверей и деревьев, дремлющих под покровом самой тишины. Зима холодна и сурова. Во сне я осознаю положение вещей, и нечто теплое успокаивает мое сердце. О, здесь я прочувствовала муку: нет большего холода, чем тот, который не связан с зимой.

Друг мой, Андрей, ты меня удивил. И хотя судьба свела нас, сделав жителями одного города, и мы даже стали друзьями по убеждениям, впервые ты спрашиваешь меня о моем отце.

Ты ничего не знал о его жестоком убийстве во время последней войны. И вот, мне потребовалось оказаться на краю мира, спустя почти полвека, оторванной от всех и вся, чтобы получить от поэта – разве можно дожидаться такого вопроса от политика? – столь отважный вопрос: «Что же случилось с твоим отцом?». Для меня это слишком горький вопрос, и я всегда его избегала: со своими товарищами-социалистами, ведь я сама – социалистка, причем убежденная социалистка, и мне не хотелось ставить их в трудное положение. А фанатично настроенным правым я не хотела давать повода для обсуждений и грубых спекуляций. Я до последнего верила, что кто-нибудь из передовой интеллигенции, друзья или родственники, самостоятельно докопались бы до истины, ведь мой отец придерживался демократичных взглядов и состоял в движении сопротивления³, а в итоге – его замучили его же товарищи, возмущенные его внутренней свободой. В общем, конечно, я зря ждала, что его найдут. Убийство было и остается своего рода торпедой, выпущенной по арсеналу всех оппортунистов от политики. И никто не потрудился почтить правду, ранящую правду, и только потому, что для этого требуются усилия.

Я отвечу на твой вопрос. Когда-нибудь я заговорила бы об этом сама. Я расскажу об этом сама, чтобы облегчить душу. Чтобы вытащить все это из себя, эту лихорадку, мучавшую меня всю мою жизнь. Ты мог бы сказать мне: ты только сейчас вспомнила об этом? В этом далеком Мурманске? Нет, это не я вспомнила, а сама история. Просто потому, что для оплаты больших долгов, как кажется, требуется много времени. И если когда-нибудь у меня получится, по своему, пролить свет на эту трагедию, которая, на самом деле, является не частной трагедией

² Александрос Пападиамантис (греч. Ἀλέξανδρος Παπαδιαμάντης, 1851–1911) – греческий писатель, прозаик, одна из наиболее значительных фигур в новогреческой литературе конца XIX – начала XX веков.

³ Автор имеет в виду антифашистское Сопротивление. Обычно Греческое сопротивление (греч. Ελληνική Επανάσταση) – восстание греческого населения Балканского полуострова против турецкого владычества в 1821–1830 гг. Завершилось созданием Греческого государства.

одной семьи, а драмой целого народа⁴, то все силы, весь хлеб, мною съеденный во время ски- таний по миру, будет оплачен если не сполна, то хотя бы наполовину.

А если опять ничего не прояснится, то значит, у каких-то вещей своя судьба, которой, быть может, суждено оставаться во мраке.

Я немного говорила со своей семьей об этом путешествии, которое, впрочем, продлится долгое время. Можно подумать, что я погрузилась в некую новую философию, или, лучше сказать, в некое духовное, неизвестное мне, таинство. Пока я не знаю, какова моя роль в ней. Наверное, это станет понятно по пути.

Думаю о тебе: услышь меня, и, когда я пишу и когда – нет.

Сильва Эммануил.

Мурманск, зима 1991 г.

Дорогой Андрей,

...и хотя ты еще не получил моего предыдущего письма, я сразу села за новое.

Оно, естественно, будет попыткой вновь ответить на твой вопрос: кем был мой отец?

В начале немного общей информации: он родился, вырос и учился в Каире. Затем он завершил свое образование в университетах Европы и вернулся в Египет с дипломами юриста и педагога, с тем, чтобы, наконец преподавать в Амбетинской школе Каира⁵. Он хорошо играл на скрипке и еще лучше – на флейте. Рисовал. Его манера казалась странной для того времени, но его картины теперь разбросаны по свету, правда, без подписи. На лето Амбетинская школа, в которой он преподавал, направила его в монастырь Св. Екатерины⁶ на Синай на реставрацию книг в известной монастырской библиотеке. И именно там он продолжал заниматься самооб-разованием.

Я едва успела вобрать из его рассказов завораживающие картины тех летних дней «в священной Аравии близ древней Петры».

Его давняя мечта вернуться на греческую землю, в Амбелака⁷, откуда он был родом, чтобы продолжить там преподавательскую деятельность, воплотилась еще до моего рожде-ния. Еще до моего рождения отец сотрудничал с группами Делмузоса, Глиноса, Триандафил-лидиса⁸, чья деятельность была направлена на реформирование системы образования. Есте-ственно, мой отец подвергся преследованиям во время правления Метаксаса⁹, особенно за его попытки применить новаторские методы преподавания в Греции. Гораздо позднее в нашей библиотеке в Амбелака я нашла книгу, написанную Глиносом, с его посвящением, и книга эта была – «Непогребенный мертвец»¹⁰.

Такова краткая биография моего отца, хотя, как известно, легенды со временем искажа-ются преувеличениями. Вот, например, мне известно, как говорится, из первых рук, что мой

⁴ Гражданская война в Греции (1946–1949) – вооруженный конфликт между греческими коммунистами и роялистами.

⁵ Амбетинская школа в Каире – просветительское учреждение в Каире, ориентированное на этнических греков в Египте.

⁶ Монастырь Св. Екатерины – мужской монастырь Иерусалимской православной церкви, расположенный в мухафазе Южный Синай в Египте близ города Санта-Катарин. Один из древнейших непрерывно действующих христианских монасты-рей в мире (с III в.)

⁷ Амбелака (греч. τα Αμπελάκια) – поселение в округе Лариса, Греция. Находится в начале Темпейской долины.

⁸ Делмузос, Глину, Триандафиллидис: Александрос Делмузос (греч. Αλέξανδρος Δελμούζος, 1880–1956) – греческий педагог и сторонник использования димотики в греческом образовании; Димитрис Глинос (греч. Δημήτρης Γλινός, 1882–1943). Один из пионеров языковой реформы в системе образования сегодняшней Греции; Манолис Тринтафиллидис (греч. Μανόλης Τριανταφυλλίδης, 1883–1959) – греческий лингвист, один из основателей «Общества образования», продвигавшего использование димотики в греческое образование.

⁹ Иоаннис Метаксас (греч. Ιωάννης Μεταξάς, 1871–1941) – греческий генерал, премьер-министр Греции с 1936 г. до своей смерти.

¹⁰ «Непогребенный мертвец» (греч. Ένας άταφος νεκρός) – эссе Д. Глиноса (1925), посвященное проблемам греческого образования того периода.

отец знал пять иностранных языков, а в рассказах об отце неизменно повторяется число восемнадцать. И легенда об этих восемнадцати языках повторяется из уст в уста, подобно словам народной песни.

В 1944 году, 16 февраля, следы моего отца теряются.

Семья ждет его полгода. Ходят неопределенные слухи. Однако предчувствия и страх вполне отчетливы. Говорят, что он убит. Убит и поруган: за смертью телесной последовала анафема – попрание его памяти. Однако никто не желает делиться такими страшными новостями друг с другом, тем более без уверенности в их правдивости. Все мы, семья, предпочитаем хранить верность надежде, ведь, действительно, столько людей пропали без вести, а потом возвращались, живые и невредимые. Пока не увидишь своего близкого мертвым, пока не похоронишь его и не оплачешь, пока не получишь какое-то свидетельство, подтверждающее его смерть, просто невозможно погасить в себе последний огонек надежды, тлеющий в душе вопреки всему. К тому же, всем известно, какие удивительные вещи происходят под эгидой международных организаций: даже в наши дни Красный Крест воссоединяет семьи, разрушенные войной почти полвека назад.

До нас иногда доходили всякие слухи. То, якобы, видели, как отца отправили поездом смерти в Бухенвальд, что его пытали, но он выжил и потерял память, то утверждали, что его родственники видели его своими глазами в Ленинграде весной 1949 года прогуливающимся по улице под руку с молодой русской женщиной. Тогда я еще не бывала в Санкт-Петербурге, не считая транзитной пересадки в аэропорту, когда я приземлилась в международном терминале и потом сделала пересадку в терминале для рейсов по России, чтобы продолжить свой путь в Мурманск. Не знаю, что мне готовит в будущем этот город: очень многое будет зависеть от того, подтвердятся ли эти слухи о моем отце.

Я же, во всяком случае, постараюсь оставаться непредвзятой и не идти на поводу у своих надежд или кошмаров. Я постараюсь смотреть на вещи трезво.

Сильва.

Мурманск, весна 1992 г.

Дорогой Андрей,

... как-то утром я вдруг проснулась и столкнулась с удивительным светлым чудом. Незаметно для меня дни стали длиннее. Снег тает, и из окна своей комнаты я различаю в глубине залива беловатые и светло-голубые полосы открытой воды в окантовке льда, а по краям бьется пена. Уже ясно, что понемногу наступают летние северные дни, белые ночи, с их жемчужными холодными и первобытными оттенками.

Сегодня, 9 мая, прогуливаясь по центру города, я увидела высокое пламя огня. Школьники, забросив свои занятия, вместе со своими учителями жгли масленичное чучело. Красивые русские женщины в уличных ларьках пекли блины и весело смеялись, повязав в волосы первые весенние цветы. Местные саамы продавали олений рог и ножи и покупали коньки на будущий год. Еще они покупали часы, на которые, правда, никто никогда здесь не смотрел. Некоторые саамки, миниатюрные и закутанные до глаз, торопливо заходили в деревянную церковь. Эта церковь всегда была открыта, с самого момента освещения. Сюда хожу и я вместе с Борисом и его семьей. А кто же они, эти местные? Я не смогла окончательно разобраться в этом. Дикая птица, как наши цыгане, люди, сами устанавливающие свои границы, географические и идеологические, границы своей Лапландии, люди, нагло пренебрегающие существующими государственными соглашениями или спорами. Они зимуют – в отличие от нас – в высоких горах. Даже не знаю, какую судьбу прочил им Маркс. Саамы приняли христианство почти три века назад, но им невдомек, в какой кризис вовлек их социализм. Подозреваю, что саамы не то, чтобы не знают об этом, но им просто все равно. Они поют – и те, кто не грамотен, делают это еще более выразительно – псалмы на Страстной Неделе и продолжают поклоняться

огню. Молодые саамки пришли в церковь, чтобы пройти обряд очищения после родов. Я тоже зашла за ними, и мне бы хотелось в глубине души тоже произвести на свет маленького свободного и чистого, во всех смыслах, саамского малыша, а не угрызения совести.

Всего хорошего, Сильва Эммануил.

Санкт-Петербург, весна 1992 г.

Дорогой Андрей,

Я с Борисом приехала в Петербург на несколько дней. Какой город! Я полностью им охвачена, оторвалась от реальности и забыла все то, что знала о нем раньше. У меня такое ощущение, что я здесь уже бывала. Мы ходим по его улицам, и я *вспоминаю* вещи, которых не знала никогда раньше. Одно воспоминание вызывает в памяти другое, но вот о каких вещах или лицах эти воспоминания – я не знаю. Неизвестно мне и то, что за доселе неведомая мне личность рождается во мне самой.

Знаешь, эта красивая сказка о том, что мой отец не был убит, и некая счастливая звезда привела его сюда, вместе с массой остальных ссыльных, гонимых обстоятельствами, овладевает мной все больше и больше, и это чувство становится все более отчетливым здесь, именно в этом городе. И вот я все думаю: если бы он оказался в одном из немецких лагерей смерти, если бы он выжил, то обязательно бы вернулся домой после войны. И если он не вернулся – а так и случилось – это может означать, по крайней мере то, что он погиб. Но, если он перебрался в Ленинград, как сообщил нам кто-то, кто видел его, одетого в куртку цвета хаки, прогуливающегося по улицам города – что ж, в это можно поверить, особенно если учесть, что официальные обвинения так никогда и не были ему предъявлены, и он просто исчез для своей семьи, постыдным и тайным образом, – в общем, если он выжил, но не мог вернуться на родину, если он снова женился, если его сослали в Сибирь как «человека удивительной внутренней свободы», и у него не было возможности связаться с нами, то все это вполне реально.

Особенно если учесть, что занавес, черный железный занавес, рухнул всего два года назад. Естественно, маловероятно, что он жив в настоящее время, ведь ему должно было быть больше восьмидесяти лет, но, по крайней мере, я могу разыскать его следы, или, может, каких-нибудь своих единокровных, русских братьев и сестер, его жену, наконец, которая благоговейно хранит его записи... Само собой, как я тебе уже говорила, все это абсолютно безосновательно, это своего рода сказка, которая мне очень нравится, старая военная история, красной нитью пересекающая Время, ведущая из прошлого в настоящее. Если все так, как мне хочется верить, то мне бы стало легче, мои чувства больше не были бы прикованы к ужасному злодеянию, вероятно, скорее всего, почти наверняка случившемуся в скалах Киссавоса¹¹, всего в нескольких километрах от нашего дома и всего несколько часов спустя после его исчезновения.

А могила? Это овечье страдание и святое для каждого грека место, особенно для грека, покинувшего родину? Есть ли она? Когда-то я собиралась посвятить всю свою жизнь поиску священных для моей семьи и меня лично костей, как некогда христиане искали следы деяний Господа, как некогда Антигона взрастила божественный промысел на плаче о брате. Каждый человек имеет право на свою могилу, а его родственники вправе знать, где она находится, вправе почитать ее. Впоследствии я отказалась от этой мысли, в частности, когда умерла моя мать, и мы похоронили ее на кладбище, совершенно чужом для меня и для нее, на юге Афин. После этого я собиралась как-нибудь перенести ее останки в Амбелака, чтобы можно было хотя бы иногда поставить свечку в память о ней... но и от этого я со временем отказалась, полагая, что рядом с ней, в этой безличной для меня могиле, покоятся и трое других ее детей,

¹¹ Киссавос – горная цепь в греческом регионе Фессалии, отделённая от горы Олимп узкой долиной реки Пиниос. Живописнейший вид открывается на Киссавос из деревни Амбелака.

а мой муж, Александр, похоронен на другом кладбище... иными словами, горе, поразившее мою семью, было таким сильным, что значимость могилы совершенно поблекла и стерлась.

Теперь ты, наверное, понимаешь, что сказка под названием «Санкт-Петербург» вспыхнула во мне ярким праведным гневом, в стремлении изгнать первородную гордыню: и вот я здесь, в этом городе. Но насколько умиротворенным кажется Петербург! ... ему совершенно не подходит гнев и подобные чувства. Мы пробудем здесь до следующего понедельника. Я тебе еще напишу.

Всего хорошего.

Всегда с доверием к тебе, Сильва Эммануил.

Мурманск, зима 1993 г.

Дорогой Андрей,

Я прибыла в Афинах несколько дней, как раз, как мне кажется, чтобы успеть взять у твоей сестры, Элени, книги, которые ты мне собрал, и чтобы порадоваться выходу твоего нового поэтического сборника. Я возьму его с собой, на север, вместе с чувством легкого разочарования – ведь мы не смогли увидеться. Элени рассказала, что ты неожиданно остановился на какое-то время в Париже, и, что – Господи помилуй! – ей неизвестен твой адрес. Что случилось? С чего эта игра в конспирологию?

Такой же таинственностью окружена и открытка со скульптурой Родена, которую через Элени, я получила вчера в Мурманске. Ты говоришь мне об «искусстве, выраженном одним словом», о слезах, которые ты задолжал мне, даже приглашаешь меня в Париж на Рождество: «давай покидаем камешки в Сену, чтобы провести годы вместе», однако же своего адреса ты мне не даешь.

Так вот и я через Элени отвечаю тебе, а она Бог весть какими способами передает тебе мои письма – что я думаю о твоих стихах, таких насыщенных, уравновешенных, рассудительных, невинных, односложных и увы – неизвестных... я отправила бы их прямо в журнал «Вода на Солнце», и, надеюсь, это издание попадет тебе в руки – в общем, я рассказываю тебе о своей жизни, чтобы дать тебе последний отчет.

Во-первых, на Рождество я буду на Родосе со своими детьми, и значит, у меня не получится покидать с тобой камешки в Сену, а уж тем более, в городе без адреса или «источника недавнего разочарования». После этого я возвращаюсь сюда, в Мурманск, надеюсь, что до Пасхи. А потом, как пчеловод, следующий за своими пчелами на запах цветов, я окажусь примерно в начале лета вместе с Борисом, моим проводником в цветочный мир, в Санкт-Петербурге, скорее всего, в Александро-Невской Лавре, которая сейчас активно восстанавливается. Надеюсь, что я смогу устроиться преподавателем древнегреческого языка, чтобы обучать других «первопоследователей». Борис уже подключил свои связи. К тому же, в Петербурге у него живут родственники, которые нас ждут. И, наверное, мне не хочется знать, что уготовала мне судьба, я буду монотонно плыть к извечной тайне, как спокойная кровь.

А что до нас, где-то между Мурманском и Парижем, да еще и без адреса!, то пора бы нам отбросить эту «односложную нежность».

Всего хорошего, Сильва Эммануил

Санкт-Петербург, июнь 1993 г.

Андрей,

Ты помнишь, как много лет назад ты прочитал мне, когда мы были на веранде, то стихотворение Анны Ахматовой? В переводе Ариса Александру¹², если не ошибаюсь. Оно про-

¹² Арис Александру (греч. Άρης Αλεξάνδρου, 1922–1978) – поэт, прозаик и переводчик, главным образом, русской литературы на греческий язык. Считается одним из значительных послевоенных писателей Греции.

извело на меня невероятное впечатление, но вот само стихотворение у меня не сохранилось. Однако в библиотеке Алины Никаноровны, двоюродной сестры Бориса, мне попался томик стихов. Она сама выбрала и перевела мне на французский такое вот стихотворение (привожу его тебе в своем неуклюжем переводе на греческий):

Смоленской Богоматери образ на руках мы несли высоко, и на серебряном скорбном ложе наше солнце, наше белого лебедя, многострадального нашего Александра¹³

Сегодня с этими стихами на устах я начала открывать в ликах города эту незнакомую мне еще поэтессу. Конечно, она давно умерла, но Борис сказал мне, что где-то сохранился ее дом, недалеко от центра, и, что ее потомки бережно хранят ее духовное наследие в одной-двух комнатах. Не знаю, что на меня нашло, но я стала искать этот дом с неистовством, будто бы я приехала в Петербург только ради того, чтобы почтить ее память. Я прошла по дворам-колодцам, воспетым Достоевским, касалась обветшалых оконных рам, видела, как дети бегают друг за другом играя, вымокла под дождем, пока не оказалась в тенистом парке. Не хочу вдаваться в подробности: с большим трудом, но я все-таки нашла дом Анны Ахматовой.

Обшарпанная дверь, старая темная лестница. Я думала, что кто-нибудь покажет мне, куда идти, но зря. Наконец, я попала в анфиладу из двух залов, где на скамьях самым будничным образом были разложены рукописи. Я не знала ни чьи они, ни о чем в них говорится. Я с досадой покачала головой, и ко мне с первого этажа подошел охранник, который сказал: «Вот Анна Ахматова!» и указал на фотографию. Мне показалось, предо мной предстала даже не женщина, а дикая лань с пронзительными серыми глазами. И, увидев мое изумление, охранник довольно засмеялся и снова повторил: «Вот Анна Ахматова!», указывая уже на другую фотографию: и женщина на ней вновь показалась мне редкой красоты лесным зверем, дикой кошкой.

Не женщина, а богиня: лежа почти навзничь на каменном пороге в Царском Селе, она чуть приподняла голову и смотрела на меня призывным взглядом. На трех следующих фотографиях, к сожалению, Ахматова выглядела преждевременно постаревшей женщиной, как если бы она была уставшей матерью девушек на первых двух снимках – ее вид заставил охранника скорбно прикрыть глаза. Конечно, он объяснял мне, почему ей было так плохо в те годы, но его слова были мне совсем непонятны. Единственное, что я смутно уловила, так это то, что охранник чего-то опасался: он говорил мне на ухо, иногда воровато оглядываясь по сторонам, чтобы нас кто-нибудь не услышал, а иногда – гордо повышал голос. Но и тогда я чувствовала в нем некое замешательство, присущее всей этой эпохе, как-будто речь шла о некоей тайной мировой скорби.

Но я отвлеклась. Наверное, я приду в этот дом еще раз. И только сейчас я понимаю, что, лишь увлекшись словом, стихами, острыми как серп, можно выучить иностранный язык.

*Прощаюсь с тобой с недоумением, новым и старым,
Сильва.*

Санкт-Петербург, июль 1994 г.

Дорогой Андрей,

И вот через год я снова здесь. И неожиданно, как и это ЗДЕСЬ, что значит родник, родина, время, ход мыслей, загадка и острый вопрос: что же здесь вызревает, торжество Права или беззаконие?

Между тем, я пишу тебе, а ты читаешь то, что я пишу, и потом откладываешь мои письма в сторону. Никто больше не интересуется путевыми заметками и впечатлениями от путешествий, всем, напротив, интересны сами путешествия. И это так, мир изменился, стал проще или непонятнее, изменился и стиль произведений. И скоро простое письмо станет лишним

¹³ А. Ахматова, посвящение на смерть А. Блока (1921 г.): Принесли мы Смоленской заступнице, Принесли Пресвятой Богородице На руках во гробе серебряном Наше солнце, в муке погасшее, – Александра, лебедя чистого.

анахронизмом. И пусть. Будем жить и смотреть, куда дуют мировые ветра. А душа, ее извечная мелодия, не успокоится. Хотя я боюсь, что и после смерти она не успокоится.

Здесь же, по крайней мере, люди смеются и никуда не торопятся. Не мрачные и соперничающие, не снобы, не трудоголики. Они живут в гармонии с Природой, даже в больших городах. Это здоровый народ, несмотря на то, что выпало на его долю. Он знает, как сохранить свою душу... Я дописываю это письмо два дня спустя. Андрей, представь, как ты увидишь меня из окна, я зайду в твой дом, и мы будем разговаривать. Это мое послание, слышишь?

Сегодня я провела свой день, как и вчерашний, в Пушкине, в своего рода Версале прежних царей, или, как он раньше назывался – в Царском Селе. Сейчас жители редко его так называют, а говорят просто – музей, а в глубине души, совсем им не интересуются.

В иные времена там жили одни люди – цари, а теперь там совсем другие жители, – пестрые толпы туристов. У всех на устах имя Пушкина, будто бы на нем зиждется мир. Город Пушкин, Царскосельский Лицей рядом с Царским Селом, железнодорожная станция Пушкин, станция метро Пушкинская, в центре города. Именем поэта называется не только станция метро – на ней установлен высокий, прекрасно исполненный и подсвеченный памятник, памятник хтоническому хозяину города, и у его ног всегда – цветы.

В целом, общественные места в городе величественные, яркие, они создавались для народа и для его гордости – действительно, некоторые вещи нельзя забывать.

Я прекрасно понимаю, что никто не захочет слушать мой рассказ об утопающем в зелени городе Пушкине, поэтому я этого и не привожу. Ограничусь только следующим: у подножия памятника Пушкину, выполненного из черного, почти эбенового цвета, мрамора – а он сидит, устроившись в кресле, как бездельник во дворе, в бескрайних аллеях парка – я оставила аргосский апельсин, который был у меня в сумке, и мне показалось, что Пушкин подмигнул мне. Вот точно: он съест апельсин!

Я гуляла по городу несколько дней, пока не нашла, чем заняться, каталась на поездах, на метро, на трамвае, смешивалась с толпой пешеходов, смеялась, толкалась, сделала удачные покупки. Я ни минуты не чувствовала себя одинокой или в опасности. Буду ждать Бориса, чтобы решить, что мы будем делать дальше.

Посылаю тебе свою любовь, Сильва Эммануил

Санкт-Петербург, июль 1994 г.

...Я совершенно сбита с толку здешней жизнью. Она постоянно флиртует со мной и не отпускает, эта северная культура, молчаливая, сдержанная внешне и бескрайняя внутри. И все то, что западает в память за день, восстает ночью из глубин памяти, изменившееся и беспокойное. Иногда эти мысли выливаются в небольшой и бестолковый стишок, из тех, которые я иногда тебе посылаю.

*Пока, Андрей
Сильва.*

Санкт-Петербург, июль 1994 г.

Дорогой Андрей,

Борис срочно уехал в Мурманск по семейным обстоятельствам, а я чувствую себя в немного подвешенном состоянии, что касается поисков моей работы. Борис – это мое извечное – по крайней мере пока – связующее звено. Пока у меня есть свободное время, я использую его для прогулок. На кладбище при Александро-Невской Лавре я встретила много старых знакомых. Во-первых, самого лучшего из них – Достоевского. На его могиле установлен бюст из бездонно-черного мрамора. Дальше, рядом с оградкой, меня поджидало созвездие русских композиторов: Римский-Корсаков, Бородин, Мусоргский, Глинка, Глазунов и, чуть в глубине –

великий Чайковский. Самое неудачное, с точки зрения сочетаемости, надгробие. Даже думать не могу, как под плитой протекают подземные реки, бурлящие быстрыми музыкальными волнами. Нет, в моих венах течет гармония, божественные мотивы, мелодии, их приветственный глас я привезла с собой издалека. А я для них – как склеп. Когда, еще ребенком, я засыпала в зимнем сумраке своего родного городка Амбелака, что раскинулся напротив Олимпа, мой отец исполнял на флейте отрывки из Чайковского. И мой муж, Александр, за несколько часов до своей скоростижной смерти, скользил своими изящными пальцами по клавиатуре пианино, и комната наполнялась чарующими звуками Лунной Сонаты Бетховена. Могила. Память. Напоминание. Древние греки называли могилу знаком. Знаком: чтобы наши тяжелые веки не смыкались в пустоте, и чтобы мы не засыпали вечным сном. Любопытно, что за пределами пантеона моих любимых образов – далекий отзвук, затихающий вдали – особое впечатление на меня произвел памятник какой-то девочке, установленный на старинной могиле. Памятник девочке, давным-давно прошедшей через любовь и слезы, девочке с волосами, зачесанными вперед, и с руками, сложенными лодочкой. Время внесло свои коррективы – пальцы обломаны, но их образ все еще угадывается, и взгляд ребенка устремлен на руки. В руках у нее – опавшие листья деревьев. Думаю, что весной, памятник и ладони, сложенные лодочкой, заполняют цветы, падающие с деревьев, а зимой она держит в руках тяжелый снег. Эта девочка немного напомнила мне мою Олю. Представь мое смятение, когда, вчитываясь в потертые кириллические буквы, мне удалось разобрать: Ольга Николаевна Шушина.

На старом кладбище, расположенном напротив более нового, я впала в отчаяние. Ни одного известного мне имени, и только представители старых семейств, сошедшие со страниц романов Толстого, Тургенева и других, например, Вронские, Ростовы, Долгорукие, Кутузовы. И вот что интересно: в русском языке есть еще одно слово, обозначающее кладбище, вынесенное на официальную табличку перед входом: Некрополь. В Некрополе, во второй его части, самой старой и темной, где последние десятилетия не сажают ни цветка, ни травинки, и огромные деревья запущены и неухожены (наверняка, из чувства мести советской власти к свергнутой ею аристократии), я видела, как люди – должно быть, из предместий Петербурга? – бродят между могилами со своими детьми. Что они ищут среди этих полуразрушенных надгробий, особенно, с детьми?

Скоро я поняла, в чем дело. Японцы одними из первых наладили торговые связи с постсоветской Россией, и, среди прочего, наводнили рынок дешевыми фотоаппаратами. И вот, детки придумали себе новую игру – ходят между могил и фотографируют все, что увидят, пшик, пшик – их лица кажутся такими счастливыми. И, конечно, не из-за того, что они переживают за могилу какого-нибудь Долгорукого.

Всего хорошего, Сильва Эммануил.

P.S. Пойду прямо сейчас брошу это письмо в почтовый ящик.

Санкт-Петербург, август 1994 г.

Дорогой Андрей,

После двух месяцев дождя над Невой снова восходит полная луна. Петербуржцы благоговейно разглядывают звездное небо, как в стародавние времена, словно позабыв, что именно они первыми перешли с космосом на «ты» несколько десятилетий назад. Небо и луна и поныне приносят нам свои извечные дары: бледный ночной свет, ностальгию, любовь, размышления, словно Богородица, обнимающая мир, дает нам покров Пресвятой Богородицы. Русские склонны к мистификации, их не прельщает эфемерность. «Луна Сапфо переживет луну Армстронга».¹⁴

¹⁴ Строки из стихотворения Одисеаса Элитиса «Μυρίασι το άριστον» (1985 г.). Одисеас Элитис (греч. Οδυσσεάας Ελύτης, 1911–1996) – выдающийся греческий поэт. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1979 г.

Ложиться не хочется. Я жду, пока далекое облако нагрет на безмолвие, и тогда я пойду спать.

Грохот трамваев постепенно стихает. Слышны только тяжелые грузовики. Огромная баржа проходит под мостом, который недавно развели. Я забываюсь в полусне. И только в самом сердце бьется тревожный звоночек: кто встанет на наше место, кто станет той смальтой, которой отреставрируют обветшалую мозаику, собранную уже почти в прошлом веке.

Всего доброго, Сильва.

Санкт-Петербург, август 1994 г.

Андрей,

... я не могу насытиться Петербургом, городом великих надежд, таких, какие бывают в реанимации! Я как рыба в воде, скольжу и чувствую, что нахожусь в своей среде обитания. В бесконечно родном городе. И для кого же я пытаюсь собрать по кусочкам свой разум? С кем отпраздновать свое единение? Мое время, сжатое в теснине, как в зале ожидания, медленно, но верно истекает, даже если представить, что все это, вся жизнь проходит оправданно извечным движением вселенной, если вообще оно есть. Детей у меня уже не будет, чтобы моя кровь растеклась по их жилам, да и внуков у меня нет, чтобы я им что-то объяснила.

По-хорошему мне надо перестать на что-то надеяться, например, на пустое, брэнное золото. А я... а я все болтаю. Делаю вид, как будто ничего не происходит. Прокручиваю в очередной раз ключ своей судьбы. Смотрю, сравниваю, негодую, восхищаюсь, думаю о том, как жизнь сплетается в ленту вечности. И продолжаю искать туманную истину, будто бы все, через что я прошла, должно случиться вновь.

И что тут скажешь? То, что болит, тебя и направляет. Большинство любимых мною людей уже находятся по ту сторону, всего несколько шелковых нитей связывают меня с этим миром, самая главная и тонкая из которых – это моя Оля. Немного нитей, немного страданий.

Во мне нет больше любопытства насчет твоей жизни.

В действительности, ты мне нужен. Прими эти мои мысли. Я постаралась сформулировать их как можно точнее, все уже готово, и я буду благодарить тебя за все. Нет необходимости вмешиваться ни в прошлое, ни в будущее, и давай оставим все как есть. Ведь раны затянулись, и время беззащитно ходит туда-сюда, и тогда его надо обуздать, как следует.

С любовью, Сильва Эммануил

Санкт-Петербург, август 1994 г.

...ты знал, но не написал, что моя Оля снова попала в больницу. Я узнала это от ее мужа. А я нахожусь так далеко, и она, к тому же, не знает *где* именно.

Борис весь день пробыл со мной, почтительно храня молчание. Пока я сама с ним не заговорила: «Скажи мне, Борис, почему столь юное и одаренное создание, как моя дочь, терпит такие муки? В ней прячется рычащий тигр, но без толку. Что твой Бог говорит об этом? Ты в него крепко веришь, что он говорит?» Борис ответил, склонив голову: «Неустроенность мира велика, а жизнь Иисуса на грешной земле коротка. Для его распятия нужны помощники, ангелы... чтобы все свершилось». «А Александр?» – спросила я – «отец Оли, ведь он покинул этот мир скоростно. Разве он не был таким ангелом? Или он не был молод?» «Я не знаю», честно признался Борис, «Это выше моего разумения». И потом, смущенно, но вместе с тем воодушевленно, он воскликнул: «Да, это Господь. Он там, где не хватает нашего разумения. И мы знаем об этом».

Андрей, я высылаю тебе название и адрес больницы. Съезди туда и пришли мне телеграмму, если мне надо поспешить – я возьму билеты на первый рейс (через Москву, естественно).

Спасибо, Сильва

Санкт-Петербург, конец августа, 1994 г.

Дорогой мой Андрей,

Вчера вечером я видела, как августовская луна сияла над Невой. Я постелила одеяло на широком подоконнике и наблюдала за ней, пока она не потеряла свою четкую округлость в вышине, далеко за полночь.

Это было замечательно! Я предавалась мечтам, как человек с южного Эгейского моря, человек, привыкший к лету, пока небо не нахмурилось, не стало вскоре черным, как сажа, и не пошел дождь, а я заснула под его неторопливый шелест прямо на подоконнике. И когда, через какое-то время, я поднялась, чтобы пойти в кровать, меня посетила неожиданная мысль: я никогда не увижу Неву такой, какой ее видел Достоевский! Просто потому, что когда чем-нибудь восхищаешься, ты не находишься внутри процесса, ты – вне его.

Друг мой Андрей, и хотя можно сказать, что я начитанный человек, мой корабль, выражаясь образно, часто налетает на скалы. Тысячи мыслей проносятся у меня в голове. Мысли особые, о простых, ничего не значащих вещах. Я говорю себе: оставь ты все это до лучших времен, пока мы не встретимся в Афинах, и не поговорим обо всем. Но при этом я полностью отдаю себе отчет в том, что единственное, что мы сделаем – обойдем стороной все острые и важные вопросы. А при встрече, выплевывая химикаты, мы начнем наши цветастые монологи. Меня охватывает ужас, наши крепости грабят свои же. Нас поразила болезнь Западной культуры, *la peste*¹⁵. И поэтому здесь, в этой чистой для души атмосфере, присущей русским, я ясно и четко вижу недостатки нашей культуры. В своих письмах я ищу для себя какое-то мужество. Пойми это.

Я расстелила на столике белую салфетку и поставила на нее два голубых фарфоровых блюдца, а в них – лесные ягоды. Их вид буквально завораживает. Эти блюдца – жалкие остатки богатого некогда сервиза, продавала на улице одна пожилая женщина. К блюдам прилагался хрустальный, с небольшими сколами, графин. Просила за все один доллар. И, кроме того, другого товара у нее на продажу не было.

Пойду-ка поем супа – царская еда! – и выпью стакан водки.

Все важное отложим до завтра,

желаю тебе спокойной ночи. Сильва

Санкт-Петербург, сентябрь 1994 г.

Когда русские разговаривают, кажется, что они декламируют, или же рассказывают длинную зимнюю сказку. Тянут слова, ставят мелодические паузы, их тон напорист, удивителен или даже страшен. И вот тогдаааа... прихооодииит волк... и кидааается на маленькую газееель! Красиивое! Самые народные типажи собираются на площадях, на тротуарах, на рынках своего города в кружки, сидят на корточках, будто вокруг бивуачного огня и что-нибудь рассказывают, а собравшиеся им внимают. Как замороженные мы ждем, когда кто-нибудь зянет песню или выдаст очередное пророчество. Когда я подхожу к ним, мне кажется, что люди пахнут отварной кукурузой. В целом же, местные жители одеты чисто, но бедно, а их манеры отличаются благородством. Русские ведут себя естественно, как небо и земля, которым вполне хватает друг друга. Ни намек на то, что тебя могут обворовать. Мафия еще не успела распустить здесь свои щупальца.

В своем последнем письме я говорила о Достоевском и о Неве. Сегодня же, продолжая эту мысль, я посмотрела на вещи по-иному, а именно, так, что Достоевский, например, никогда

¹⁵ *La peste* (фр.) – чума.

не смог бы увидеть Эгейское море глазами простого грека. Грекам нужно свое море, чтобы подняться на высоту своего гения. В конце концов, у нас есть родина. Быть космополитом и считать всю вселенную Ойкумену своей родной деревней кажется мне подвигом. Потому как, в какой бы уголок мира меня не заносила судьба, я еще не видела памятник Неизвестному Солдату, с которого бы капала кровь чужой земли.

Сильва Эммануил

1995

Санкт-Петербург, июль 1995 г.

Дорогой мой Андрей,

Я снова в Петербурге, в этом году в Александро-Невской Лавре я преподаю древнегреческий язык. Вместе со мной, разумеется, и Борис. Единственное отличие от моей прошлой поездки состоит в том, что я научилась читать по-русски, и уже понимаю значение некоторых слов. Увы, я не успею выучить как следует столь сказочно красивый язык, напоминающий мне луну, погруженную в воды. Я возвращаюсь сюда как к себе на родину, будто бы я тут родилась. Как мне подходит этот город. И, все же, если я задумаюсь остаться здесь насовсем – а я этого хочу – тогда я начинаю чувствовать, что для меня значат мои корни, моя родина. Не то, чтобы я погибаю от ностальгии, но чувство стыда заставляет меня собраться. В этих местах боролись за кусок хлеба совсем другие люди, не я и не мои предки. Совсем другие солдаты проливали здесь свою кровь, а не мои дети. Ведь Фермопилы до конца времен останутся в Греции. Как жаль, что для такой природы, столь мне близкой, для людей, чье мировосприятие мне так понятно, я навсегда останусь лишь гостем.

Я намеренно гуляю по городу неподготовленная, неосведомленная, не обремененная историческими документами или вырезками из газет. На улице я просто спрашиваю интересные меня вещи, и только для того, чтобы поговорить с прохожими, увидеть их улыбку. И потом я прихожу домой и размышляю: разве возможно, чтобы столь скромные, столь интеллигентные русские люди убивали своих царей, построили ГУЛАГ и творили зверства?

В недоумении, в плену моих печальных и скоротечных дум, желаю тебе спокойной ночи.

Сильва Эммануил

Санкт-Петербург, июль 1995 г.

Дорогой мой Андрей,

... Петербуржцы живут очень бедно, но стараются этого не показывать. Все делают молча, за закрытыми дверями. Не то, чтобы они не чувствовали себя свободными, напротив, полагаю, они следуют древнейшей морали, присущей вежливому гостю. Не едят на улицах, не целуются, где попало, не писают по углам, не кичатся дорогой одеждой, не кланчат деньги, а просто сидят и ждут, когда им кто-нибудь подаст – я видела вчера одну старуху, которая в одной руке держала книгу и читала, а в другой держала коробочку для милостыни, и, даже когда русские пьют, то не шатаются по улицам, а уходят и стараются не попадаться на глаза. Русские никогда не гадят, там где они живут. С улыбкой на устах, они не показывают, что у них на душе, даже в самых трагических обстоятельствах. Меня поражает, как рядом с больницами или церквями стоят родственники недавно скончавшихся людей и продают лекарства или их зубные протезы. Другие, такие же нищие, знают, где можно дешево купить такой товар и приходят закупиться. Лица печальные, но светлые.

Вчера утром я посетила храм Святого Николая Грека. Я представить себе не могла такое византийское величие! Иконы, которые иногда выносят из храма – настоящее сокровище. Не думаю, что на Афоне иконы лучше. Греческое изысканное искусство, понимаемое как часть благословения, прокладывает себе путь без отрыва от жизни, и в ее благо. Как же удалось сохранить это иконописное великолепие, как удалось его спасти от разграбления? Мы, греки, и без воинствующего атеизма, разграбили свои церкви. Храм Святого Николая находится в бедном районе, где-то недалеко от съемной лачуги Достоевского, где же еще? Такой контраст между жизнью до Революции и нынешними временами!

Служба шла осторожно, будто на ощупь, и больше напоминала разведку, чем таинство, и она впечатляла повторами. Какие-то греческие имена со «страхом Божьим». Ифигения, Иак-инф, Сократ – такие имена произнес священник во время причастия. Это подвигло меня подойти к группе верующих, но я быстро поняла, что греческий язык давно угас в их памяти. Это обычные, простые и очень бедные люди. Так что, лишь тени и духи – мои ближайшие родственники.

*Всего хорошего, в отчаянии от Равенства
и Справедливости, Сильва.*

Санкт-Петербург, июль 1995 г.

Дорогой мой Андрей,

... Из садов Нео Психико¹⁶ я привезла с собой розы, заботливо укутав их влажным хлопком. И раздала их вчера. Самые лучшие я вложила в ладони девочки, Ольги Шушиной, положила другие подле памятника Чайковскому – погоди, я напишу тебе его имя по-русски: НАДГРОГие П.Н. уаскофского 1840–1893¹⁷, конечно, почтила Достоевского, и еще – Римского-Корсакова, Игоря Стравинского и Павлову. Мои движения были медленными, полными древнегреческого благоговения, движения, уместные подле надгробных плит. Что *почувствовали* усопшие? Я не поняла. Что они *поняли*? Довольно и того, что почувствовала я.

А я опять, пользуясь свободным временем, хожу по музеям, церквям и театрам. Скрепя сердце, я все же надеюсь встретить здесь следы своей семьи. Всюду видны туристы, удушающие коллективные создания, бесчисленные японцы, настоящие орды, все время фотографирующие все вокруг – у каждого в руках по фотоаппарату – причем, фотографируют они, как правило, только друг друга. Какое же все-таки бешенство охватывает от этого наивного способа обесмертить себя! Тем более, что все они похожи друг на друга, как две капли воды.

Я гуляю по городу в свободное от работы время. Очень устаю, но это приятное чувство усталости. Кроме того, я намеренно продлеваю время своего пребывания в Петербурге – ах, если бы было возможно вообще отсюда не уезжать! – ведь я больше не могу поехать в родной город, в Абмелака. Моя душа будет скитаться там вечно, может и сейчас, когда я пишу эти строки, часть меня блуждает в тех садах.

Спокойной ночи, Сильва Эммануил

Санкт-Петербург, июль 1995 г.

Дорогой мой Андрей,

... Если кто-то захочет стать известным физиком, математиком, врачом, может, великим певцом, то он найдет средства, чтобы выйти за пределы своей малой родины. Если же это писатель или поэт, то ему стоит сидеть на месте. Улучшать свой язык, связывающий лишь немногих людей на планете, но бытующий уже многие века, погрузиться в него и внимать ему, поселить его в глубине своего сердца, во всю ширь, насколько это возможно. Наконец, позаботиться о своих корнях, добиться того, чтобы слова проникли в него, как татуировка – в кожу. И если когда-нибудь случится так, что ему потребуется покинуть свою родину, то он увезет свои корни сильными и целыми, а не легкими, как крылья, колышущиеся при слабейшем ветре.

Дорогой мой друг, я очень тебе благодарна за то, что ты есть, и за то, что ты читаешь мои письма. По твоей последней открытке я поняла, что тебя беспокоит то, что ты не отвечаешь на все мои письма. Прошу тебя, не переживай насчет этого. Стихотворений – твоих! – произведений, созданных Поэтом, мне вполне хватает. В них – вопиюще острый архетип. Я же не

¹⁶ Нео Психико (гр. Νέο Ψυχικό) – район на севере Афин, считавшийся в XIX в. аристократическим.

¹⁷ Приведено в транслитерации автора.

могу не писать. Путь, ты мне будешь отчим домом. Где-нибудь дальше я поясню свою мысль. Конечно, отчасти я управляю тобой, но на моем месте ты бы поступил точно так же, и даже скажу больше – ты уже так поступал. Все люди подчиняются когда-нибудь этому внутреннему порыву, для того, чтобы получить осязаемое подтверждение своего существования. Они бросают благожелательные слова, как монетки на счастье в фонтан, в надежде получить точный ответ. И если я этим злоупотребляю, если я, стоя на этом торжище, веду себя неуместно медленно – прости меня. Ты совсем другой человек, мой дельфийский оракул, а твое добросердечие – так же безгранично, как моя слабость. Еще, пока я живу, я хочу делиться своим опытом жизни в этом мире. Обрати внимание: это не игра.

Между тем, в моем уме все перемешалось. Пока я пытаюсь найти знаменитые номера, которые, в свое время, арендовал в бедных кварталах Николай Святославович Ставрогин, пока я ищу дворец, в котором жили Епанчины, чтобы составить наиболее полную картину места, где жил князь Мышкин – мой супруг Александр был точной его метафизической копией, до такой степени, что я до сих пор боюсь перечитывать этот роман Достоевского – я оказываюсь рядом с бедным рынком, поодаль от квартиры Достоевского. Прямо как в Анне Карениной: пообтерлась по округе, чтобы найти дворец своего брата Степана Облонского, где ее принимали во время поездок в Санкт-Петербург, и – вот: на старом кладбище при Александро-Невской Лавре я читаю на надгробных плитах: Вронский, Облонский, Толстой, Каренин. На мгновение я теряюсь – кто же из героев «Анны Карениной» – настоящий человек. Говорю же тебе – я в полном смятении!

На сегодня для нас, сбитых с толку, достаточно.

*Всего хорошего, в противоречивых мыслях,
Сильма Эммануил.*

Санкт-Петербург, июль 1995 г.

... Надо признаться с самого начала. Моя работа с семинаристами, которым меня порекомендовал Борис, работа столь увлекательная – всего лишь средство, а не цель. С годами я все отчетливее понимаю это.

Не здесь кровью написана память обо мне, не здесь я пытаюсь взрастить своих детей. Судьба забросила меня в Ленинград, в начале – совсем без моего участия, и потом – вовлекая меня все больше. Истина, которую я ищу, надежно сокрыта в недоступных кладовых, возведенных в замке мировых учений. Я могу лишь догадываться об истине, но не я определяющее. Истина настойчиво посылает мне знаки своего присутствия, но у меня не получается ее узнать. Запутанный, едва читаемый счет разворачивается перед моими глазами, и в его остатке – капля крови. Поэтому, наверное, я оказалась здесь, ради этого остатка по счету, в городе больших надежд, в палате интенсивной терапии.

Сильва

*Nobgorod*¹⁸, август 1995 г.

Дорогой мой Андрей,

Чем севернее я живу в России, тем более настоящей кажется мне жизнь. Люди здесь дисциплинированы и соблюдают порядок, их жизнью правят традиции, корни которых уходят в далекое прошлое. За исключением, быть может, только бедности. Северные люди человечны, несмотря на то, что условия их жизни совсем не таковы. Как я читала, только у древних греков были подобные обычаи. Северяне помогают друг другу, не делая исключений и для

¹⁸ Приведено в транслитерации автора.

меня, чужого для них человека. Не случайно же в мире появилось слово «сотрапезник»¹⁹: люди делятся друг с другом едой. Иногда меня несколько пугает возвращение русских к религии. В таких вопросах они максималисты, они глубоко религиозны. Не думаю, что будет удивительным, если из недр Церкви появится новый Распутин. С другой стороны, прекрасно видеть, что прихожанам открыты храмы с несметными сокровищами и прекрасными фресками, прекрасно слышать стройные голоса церковного хора, утоляющего жажду таинственного источника бессмертия. Ох уж эта власть! Ведь Церковь, без сомнения, представляет собой мирскую власть. Церковь станет формализованной филантропической организацией – со скандальной репутацией, и будет играть роль посредника перед Господом. Обязательно ли Бог заглянет в Церковь, в эту придворную кормушку, чтобы войти в наши души? А зачем?

Шлю тебе привет из новгородского кремля. Невозможно избавиться от сильного образа Александра Невского, разлитого здесь повсюду – неощутимо – вот уже многие века.

Сильва Эммануил

*Nobrogod*²⁰, август 1995 г.

Дорогой Андрей,

... Благодарю тебя за то, что ты меня выслушиваешь. Наверное, я являю собой образ отчаявшейся молодости, которая жаждет остановить прекрасное мгновение. В любом случае, я чувствую себя как рыба в воде, чувствую, что я на родине, на своей земле обетованной, и это хорошо – я буду довольствоваться этим, поскольку не могу больше вернуться в Амбелака. Меня ослепил свет родных мест, сбил меня с пути, ведь своим творчеством я нарушила молчание, совершила нечто противозаконное, прервала таинственное течение, растоптала «жемчужину мудрости», и поэтому Бог отнял силы не у меня, а понемногу забирает их у моего ребенка. Что-то страшное случилось в моем родном городе.

¹⁹ В оригинале: σύντροφος (товарищ), то есть тот, кто делится пищей с другом.

²⁰ Приведено в транслитерации автора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.